

У Константина Ваншенкина есть такие строки:

Важно быть участником событий!
Именно из этого потом
Возникают молнии открытий,
Дерзкий стих и достоверный том.

Да, именно так! Жизненный — боевой и литературный — опыт, накопленный писателями за четыре года Великой Отечественной войны, был творческим зарядом на последующие годы и десятилетия...

Еще далеко не все известно о работе писателей в боевой обстановке. Повесть об этом было нашей целью при создании сборника «Писатели Балтики рассказывают...», составителем которого мне довелось стать. [Сборник выйдет в этом году в издательстве «Советский писатель».] В страстные дни боев у стен Таллина, на островах Эзель и Даго, на полуострове Ханко, а затем в дни обороны Ленинграда на протяжении всей 900-дневной блокады писатели находились на передовых рубежах.

В самые горячие дни боев за Ленинград была создана оперативная группа писателей при Политуправлении Балтфлота, пожалуй, единственное в своем роде воинское подразделение, бойцы которого своим испытанным оружием — словом — сражались за великий город на Неве. Эта небольшая горстка литераторов стала продолжателем славных традиций ЛОКАФА, а во главе нее был один из его создателей и руководителей Всеволод Витальевич Вишневский.

Писатели вели большую работу на кораблях и в частях Балтийского флота, писали для флотских и центральных газет, выступали по радио. Накоплен был большой опыт коллективной работы. Именно в эту трудную пору родилась героическая комедия В. Вишневского, А. Крона и Вс. Азарова «Раскинулось море широко» и пьеса А. Крона «Офицер флота». После войны писателями-балтийцами созданы многие произведения на морскую тему.

Время неумолимо... Многих балтийских писателей, в том числе и флагмана нашего — Всеволода Вишневского, нет в живых. И то, что вошло в сборник, — лишь небольшая часть их обширного литературного наследства, отблески того далекого неповторимого времени, что навсегда осталось в нашей памяти и самом сердце.

На этой странице публикуются совсем крохотные отрывки из дневников и воспоминаний, которые составили коллективную книгу «Писатели Балтики рассказывают...» — выступление Всеволода Вишневского перед писателями, состоявшееся в Ленинграде 30 мая 1942 года, отрывок из дневника известного прозаика П. Капицы, бывшего в ту пору редактором флотской многотиражки в Кронштадте, воспоминания Вс. Азарова о рождении музыкальной комедии в осажденном городе, а также отрывок из обширного дневника писателя-мариниста Александра Зонина, большого мужества человека и воина, участвовавшего в походе на подводной лодке Л-3.

Николай МИХАЙЛОВСКИЙ

действительно был героическим! Изнуренные голодом, певцы, танцоры ободряли ленинградцев оптимизмом, дали им радость.

И, подумав, что не боги горшки обжигают, мы принялись за труд.

7 ноября 1942 года состоялась наша блокадная премьера.

Вот как рассказывает о ней удивительная, созданная военным журналистом и историком А. Буровым книга «Блокада день за днем» (Лениздат, 1979 г.).

«7 ноября 1942 года. Суббота. Ленинград по-праздничному украшен красными флагами, лозунгами, транспарантами... Праздничным был сегодня и хлеб. Пшеничный хлеб в городе, который вот уже второй год находится в блокаде. Но по-прежнему этот хлеб с огнем и кровью пополам. После 23 часов врагу удалось сбросить на Ленинград 8 фугасов.

Только на Сызранской улице, в доме № 17/14 ранено 27 человек...

Театр музыкальной комедии показал сегодня премьеру созданного в осажденном городе спектакля «Раскинулось море широко». Зал театра имени А. С. Пушкина, вмещавший около 1400 зрителей, был полон. Спектакль прошел с большим успехом.

И были еще спектакли, которые, как и премьера, не могли помешать вражеские обстрелы и бомбежки.

Потом пьеса, которая, как справедливо писал в дневнике Вс. Вишневский, родилась от старой, любимой народом флотской песни, ставшая Камерным театром с музыкой Г. Свиридова в Барнауле, с музыкой Н. Богословского в Ташкенте.

Нам казалось, что век ее не будет очень долгов. Вишневский в день премьеры написал: «Подумал, какая нужна драматургия, чтобы взволновать в будущем людей, переживших эту войну?»

В книге «Блокада день за днем», в записи, датированной 2 июля 1943 года, я прочитал рассказ еще об одной ленинградской премьере нашей пьесы, о которой мы, авторы ее, ничего не знали.

«...Всего за время сегодняшнего обстрела ранено 97, убито 23 ленинградца. В этот день ленинградский мальчик, которому не исполнилось еще тринадцати лет, отправил письмо на далекий прииск «Перевоз» Бодайбинского района. Оно адресовано матери-геологу. «Я перешел в пятый класс с похвальной грамотой и подарком... Исполнял роль Кедрова в оперетке «Допрос» из оперетты «Раскинулось море широко».

Сейчас ему, если он жив, уже пятьдесят или около того.

Может быть, и у него есть сын или дочь. Вот для того, чтобы они не испытали всего, что вынес в Ленинграде ребенком их отец, и продолжает свою жизнь наша старая блокадная пьеса!

ДЕРЗКИЙ СТИХ И ДОСТОВЕРНЫЙ ТОМ...

Всеволод
ВИШНЕВСКИЙ

БИТВА
ДО ПОБЕДНОГО
КОНЦА!

На Балтику пришли писатели разных поколений, очень молодые, не знавшие еще флота, не представлявшие, что такое современная война, но как-то быстро они вошли в курс событий, — замечательные люди.

Разрешите доложить, что было сделано нами в течение этой войны.

Меньше всего хотелось бы заниматься сегодня статистическими данными, но, грубо говоря, за последние шесть месяцев войны оперативная группа писателей Балтийского флота написала более ста, а за одиннадцать месяцев, вероятно, более двухсот печатных листов. Но дело не в объеме, дело в темпе и качестве работы, в отзвуче, который получает эта работа и у нас, и за рубежом, где некоторые хотят, а некоторые должны нас слышать.

Перед глазами писателей, пришедших на Балтику, — а было их более сорока человек, — развернулась картина боев исключительного напряжения... Мы ощутили это, когда прибыли в Таллин, на рубежах которого дралась морская пехота.

В Таллине все штабные командиры, политработники и писатели вышли на улицы, на уличные бои. В эти дни писа-

тели и дрались, и обеспечивали выпуск газет «Советская Эстония», «Боевой Таллин» и других эстонских газет.

Приходилось видеть много подвигов балтийцев...

Помню, как во время прорыва Балтийского флота (из Таллина в Кронштадт) наши корабли ночью проходили минные поля. Было очень трудно, коммунисты и комсомольцы бросались за борт и руками отталкивали мины. Слышно, как кто-то тяжело плывет — шлеп-шлеп по воде. Плывть трудно. Матросы бросают конец, чтобы помочь. Слышно тяжелое, прерывистое дыхание плывущего. Затем голос: «Отставить конец. Вижу, кораблю угрожает плавающая мина, пойду ее убрать». И он идет во мрак спасать корабль. Он один должен справиться с этой миной. Вот люди!.. Все это мы видели на Балтике, и это навсегда вошло в наши сердца.

На глазах у писателей незабываемые подвиги прошли один за другим. Конечно, творческая отдача наша должна быть полноценной, полной. Каждый из нас пережит, мы это сбережем, и все, что в нашей памяти, в наших душах, — полностью отдадим народу.

Что приходилось писателям делать во время войны, в частности в обороне Ленинграда? Виды работ были очень разнообразны. Иногда листовка или воззвание, написанные в один-два часа по заданию; как правило — газетная работа, очерк, фельетон, рассказ.

Приходилось много работать на радио, когда Ленинград требовал материалов, выступлений. Наша группа писателей, начиная с 14 сентября 1941 года, регулярно вела такие выступления-передачи и думаем эту работу продолжать и дальше. Приходилось заниматься устными беседами, рассказами о деятельности наших писателей, информацией о положении на фронте, боевыми эпизодами: занимать аудиторию кораблей, частей и т. д. Все это нами проделывалось. Объем работы довольно большой. Интенсивность нашей работы, по сравнению с мирным временем, значительно поднажалась...>

Ни блокада, ни обстрелы Ленинграда не остановили литературной жизни. Наш город вынес сильнейшее испытание. Этот город, в котором остались отфильтрованный слой железных людей, не поддававшихся никаким шатаниям и колебаниям; этот город, который стоит, упорный и упрямый, блюдя свои великие ленинские традиции, — вызвал в нас такую признательность, такое новое просветленное и глубокое к нему отношение, что не сохраняли для потомства его борьбу — мы не можем.

Ленинград для нас свят и дорог. Мы для Ленинграда сделаем все, что только в наших силах. Мы знаем, что враг готовит новое нападение на город. Мы его будем встречать так, как встречали в сентябре, и в октябре, и в мае месяце. Мы будем биться за Ленинград так, как мы за него еще никогда не бились. Все выжившие, закаленные в войне и блокаде ленинградцы — вместе с армией и флотом — дадут такой отпор врагу, которого он себе не представляет. Пойдет ли враг в лобовую атаку по шоссе, попробует ли ударить по водным коммуникациям — он встретит отпор! Мы будем драться за свой город! Нас, писателей, слушают — слушает вся страна!

Заклучая свое выступление, мне хочется сказать нашему народу: «Мы твои сыновья, и мы сделаем все, что нужно, для Победы».

гивал от взрывов, стонал и скрипел.

А мы с замирающими сердцами думали: «Только бы не сдетонировали взрыватели!»

Стволы наших пушек раскалялись. Командоры вели такой интенсивный огонь, что минут через десять могли иссякнуть запасы снарядов. Надо было подготовить новые и подать из погреба наверх.

Мне приказали оставить четырехствольный пулемет и создать живой конвейер от погреба до носовой палубы для подноски снарядов.

Я заглянул в кают-компанию. Там сидели с носилками восемь музыкантов в белых халатах. По боевому расписанию они превратились в санитаров. В закрытом помещении, когда ничего не делаешь, страшной, чем наверху: «слушиваешься» в шум боя и ждешь гибели. В эту минуту посыпалась вой падающих бомб. Он нарастал, заглушая грохот боя. Музыканты втянули головы в плечи и невольно закрыли глаза...

Взрывы встряхнули корабль. Висевший на переборке радиорепродуктор сорвался с крюка и упал на голову кларнетисту. Тот, решив, что это бомба угодила в него, соскочнул с дивана на палубу и, не открывая глаз, завопил:

— Убит... я убит!

Перепуганный кларнетист был столь комичен, что, несмотря на драматизм нашего положения, вызвал дружный смех.

Нервам полезна разрядка.

Я растолковал музыкантам, что нужно делать, и мы создали живую цепь от погреба до носовой палубы, по которой непрерывным потоком шли снаряды к пушкам.

Вскоре послышался отбой воздушной тревоги. Когда я, мокрый от пота, вышел наверх, то увидел на берегу два больших костра. Это догорали сбитые нашими командорами «юнкерсы».

Мы наспеш поужинали и принялись набивать пулеметные ленты, подготавливать снаряды в ожидании нового нападения...